

în poeziile scrise de Krasko după 1907, este evident vorba de o reactivare a unui fond de idei de care luase cunoștință mai demult, poate chiar pe vremea când era elev la Brașov. Chestiunea raportului dintre Schopenhauer și Eminescu era cunoscută și fusese abordată de T. Maiorescu¹. Prin traduceri și comentarii, T. Maiorescu popularizase asiduu gândirea lui Schopenhauer în România.

Ideea deșertăciunii vieții și plăcerilor lumești străbate toată lirica eminesciană. Krasko a tradus poezia *Împărat și proletar* care se încheie cu imaginea atotputerniciei morții. În poezii ca *Ce e amorul?*, *Kamadeva* și altele, Eminescu mărturisește că plăcerile sînt pedepsite cu durere („Ce e amorul? Un lung prilej pentru durere”) și că unica alternativă a omului este renunțarea, ataraxia. Aceeași idee și cu accentele de misoginism din *Dalila*, apare la Krasko în *Asceții*. Nevoia de abstenență și asceză, de singurătate și liniște este la Krasko un sentiment extrem de puternic, evocat în versuri de un ceșos misticism asiatic și medieval. În poezia *Eu*, Krasko își dorește „liniștea brahmanului” și „calmul înfiorător al preotului Sivu”. La Eminescu dorința de liniște devine „sete de repaos”, de moarte. Tentația păcii supreme, a neființei, Nirvanei, apare la Krasko doar o singură dată, în poezia *Plopilor* (*Nox et solitudo*), dar și aici doar interogativ, nu ca o certitudine: „În sus...? În jos...? Spre Nirvana...?”

ОТЗВУКИ ТВОРЧЕСТВА ЭМИНЕСКУ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЛОВАЦКОГО ПОЭТА ИВАНА КРАСКО

(Резюме)

В работе анализируется в сравнительном плане творчество Михаила Эминеску и словацкого поэта Ивана Краско. Отправной точкой в работе является, с одной стороны, факт, что Иван Краско был поклонником лирики румынского поэта, а, с другой, — то обстоятельство, что ряд исследователей высказалось по поводу отдельных мотивов поэзии Эминеску, проникших в поэтическое творчество Краско (Йозеф Феликс, Рудо Бртань, Михал Гаффрик, Станислав Шматляк).

Материал распределяется по двум главам. В первой части (*Краско в Сибии и Брашове*) отмечаются обстоятельства, при которых Краско попал в Трансильванию, в румынский лицей в Брашове, который он окончил в 1896 году. На основе документов брашовского архива, архива поэта (особенно так называемой «румынской книжечки»), переписки поэта со своим школьным товарищем Илие Хототэ и его воспоминаний восстанавливаются факты жизни и деятельности будущего поэта в рамках лицея и за его стенами. Во второй части (*Краско и Эминеску*) вначале излагаются различные мнения исследователей о занятиях и возможных источниках вдохновения поэта, затем делается попытка выявить мотивы поэзии Эминеску. Оба поэта очень различны по темпераменту и по своей принадлежности к поэтическому направлению. Мотивы поэзии Эминеску обнаруживаются, в первую очередь, в первый период творчества Краско (до 1906 года), а позже ассимилируются в различной лирической структуре. Специфика каждого из этих двух поэтов проявляется, прежде всего, в манере описания лунной ночи (Эминеску *Меланхолия*, Краско *Поздно*). Сравниваются стихотворения *Желание*, *Adio*, *По той же улице*, *У тополей*... Эминеску с стихотворениями *Одни в лесу*, *Больше не взгляну*, *За окнами*, *Бледная луна* Краско, в которых встречаются сходные мотивы. Поэтические приемы в стихотворении *Jehovah* Краско удивительно сходны с мотивами, используемыми Эминеску в *Молитве Дака*, хотя в данном случае основной мотив не совпадает. В заключение автор представляет ряд аспектов влияния на Краско древнеиндийского мышления. У Краско два не прямых источника ознакомления с доктринами индусов: Отокар

¹ *Eminescu și poeziile lui*, „Convorbiri Literare”, 1889, (XXIII), nr. 8, p. 625—645.